

За время существования Великой Ся сменилось более десяти императоров. Бывали ли среди них те, кто хранил верность лишь одной женщине? Безусловно. В исторических хрониках зафиксировано, что императоры У-ди и Сюань-ди не имели иных наложниц, кроме своих императриц. А вот что происходило за закрытыми дверями их покоев — тайна, покрытая мраком.

Вэнь-ди, пожалуй, можно причислить к третьим. Его супруга, с которой он состоял в браке еще до восшествия на престол, стала императрицей, но спустя несколько лет скончалась при тяжелых родах. Вэнь-ди, преодолевая огромное давление со стороны двора, долгие годы хранил вдовство, прежде чем решился на новый брак. В целом, в роду Тоба встречались люди, способные на глубокую привязанность, но большинство императоров — будь то мужчины или женщины — все же предпочитали заполнять свои гаремы.

Императрица, коренная жительница Великой Ся, занимала высочайшее положение. С того самого дня, как она достигла совершеннолетия, вдовствующая императрица и сановники настойчиво советовали ей выбрать нескольких прекрасных юношей, чтобы поскорее зачать наследников и укрепить устои государства. Это было неотъемлемым правом монарха и одновременно долгом, от которого невозможно уклониться.

Однако после того, как они сблизились с Линь Юйцзэ, хотя они ни разу не обсуждали это напрямую, Цзян Ли чувствовала: при характере Линь Юйцзэ, если она возьмет в гарем кого-то еще, та непременно уйдет.

Глядя на тревогу, застывшую на лице Цзян Ли, Линь Юйцзэ подумала, что та вроде бы не относится к числу ветреных особ. Но она не была уверена в том, что на самом деле думает Императрица. В конце концов, для каждого императора иметь наполненный гарем — дело обыденное, настолько естественное, что оно кажется незыблемым законом.

Линь Юйцзэ не спрашивала Цзян Ли, собирается ли та следовать примеру других правителей. Подобные вопросы — будь то от лица верного сановника или любимой наперсницы — звучали бы крайне неловко. Линь Юйцзэ оделась, собираясь уходить.

Стоило ей подняться, как Цзян Ли вздрогнула и, ухватившись за ее рукав, прошептала:

— А-Цзэ!

Линь Юйцзэ обернулась. На лице Цзян Ли читалось беспокойство.

— Я согласилась на отбор невест через два года лишь для того, чтобы успокоить придворных. Чтобы устранить влияние Цзиньвэй, мне необходима поддержка чиновников. Как только я подавлю силы клановых родственников, я непременно отменю этот указ.

Хотя ответ был предсказуемым, Линь Юйцзэ почувствовала, как с души свалился камень. Если

бы Цзян Ли действительно решила завести себе какого-нибудь смазливового юнца, она бы просто не знала, что делать.

Линь Юйцзэ прищурилась. Использовать силу противника для достижения своих целей — это было совсем не похоже на обычный стиль поведения Императрицы.

— Кто подал Вашему Величеству такой совет?

Императрица замерла, сбитая с толку резкой сменой темы.

— Это Ху Шимин, недавно вошедший в состав кабинета министров.

Новый министр? Линь Юйцзэ ощутила раздражение. Давать советы Императрице, не посоветовавшись с ее отцом, — это явное нарушение субординации.

Не желая обсуждать это при Цзян Ли, Линь Юйцзэ перевела разговор на дела Цзиньивэй.

— Ваше Величество, я слышала, что те десятки стражников Цзиньивэй, что когда-то обвинили меня в коррупции, до сих пор томятся в тюрьме Далисы?

Императрица кивнула.

— Я пока не могу тронуть Тоба Цзянлань, но по крайней мере он должен уяснить, что тебя не так-то просто задеть.

Это что, угроза в его адрес? Линь Юйцзэ усмехнулась. Цзян Ли... несмотря на все преграды, она все еще хочет защитить ее?

— Я понимаю ваши намерения. Скоро я отправлюсь в Далисы и верну себе должок за те унижения.

Линь Юйцзэ уже собиралась откланяться, как вдруг Цзян Ли взяла ее за руку и торжественно произнесла:

— В этой жизни я желаю лишь состариться вместе с тобой, А-Цзэ. У меня нет иных помыслов.

В комнате воцарилась тишина. Наконец Линь Юйцзэ сделала несколько шагов назад, обняла Цзян Ли и тихо прошептала ей на ухо:

— Я тоже желаю лишь вечно оставаться рядом с Вашим Величеством.

В тюрьме Далисы стражники по приказу Линь Юйцзэ отобрали самых крепких бойцов из Цзиньивэй и приковали их цепями к железным решеткам. Линь Юйцзэ неспешно вошла в

камеру, заложив руки за спину.

Среди арестованных действительно оказалось немало знакомых лиц, особенно те, кого она видела еще в Чанпине.

— Система, обменяй одну книгу Божественное Искусство Бэймин и одну Пилюлю распада ци.

[Божественное Искусство Бэймин — 5 баллов; Пилюля распада ци — 10 баллов; остаток — 15 баллов.]

В ее руках появились книга и пилюля. Открыв первую страницу Божественного Искусства Бэймин, она прочла написанные размашистым почерком слова: Когда внутренняя энергия достигает величия, любая техника мира может быть использована мною. Подобно Северному океану, он принимает в себя и малые, и большие суда, и малых, и больших рыб.

Ниже шла приписка: Тот, кто практикует это искусство, обязан сначала рассеять собственную внутреннюю энергию, иначе обучение невозможно.

Действительно, мастерство Бэймин прекрасно, но условие просто кабальное. Двадцать лет накопленной энергии, которые она обменяла, теперь пойдут прахом. К тому же пришлось потратить Пилюлю распада ци. Обычно люди, желающие избавиться от своей энергии, разрушают собственный даньтянь, но цена такой ошибки слишком высока. Можно было использовать метод рассеивания, но для него тоже нужно было сначала обучиться. А пытаться самостоятельно рассеять свою энергию — это все равно что пытаться поднять себя за волосы, выполнимость такого предприятия вызвала сомнения.

Пилюля была безопаснее и не имела побочных эффектов.

Прикованные стражники с ужасом наблюдали, как в руках Линь Юйцзэ словно по волшебству появилась книга, а затем она проглотила пилюлю.

Как только лекарство попало в желудок, Линь Юйцзэ почувствовала, как даньтянь содрогнулся. Ее внутренняя энергия, до этого мирно циркулирующая по телу, словно лопнувший шарик, начала бесконтрольно растекаться, пронзая все члены и кости. В горле стало сладко.

— Кха! — она выплюнула сгусток крови.

Вмиг лишившись сил, она опустилась на колени. Стражников она заблаговременно выставила за дверь, так что поддержать ее было некому.

Двадцать лет мастерства плюс пилюля — все, что стоило 50 баллов, в мгновение ока превратилось в ничто. Линь Юйцзэ даже заподозрила, что ее стошнило кровью от злости на эту издевательскую систему.

С трудом поднявшись, пошатываясь, она подошла к одному из стражников. Сосредоточив внимание на точке Шаошан на своих пальцах, она коснулась его. В тот же миг ее меридианы напряглись, и поток горячей энергии хлынул в ее тело. Это было непередаваемое блаженство.

Стражник начал биться в конвульсиях, истошно вопя, изо рта у него потекла кровь. Под испуганными взглядами остальных Линь Юйцзэ потратила час, чтобы выпить энергию из каждого.

Стражники лежали на полу, словнодохлая рыба, покрытые холодным потом. Линь Юйцзэ, с остатками крови на губах, сияла от удовольствия. Ее дантянь и меридианы были наполнены как никогда прежде. Теперь ее энергия была как минимум втрое мощнее прежней — шестьдесят лет мастерства! Цена, которую она заплатила, того стоила.

Когда Линь Юйцзэ вышла из тюрьмы, ее ждал глава Далисы.

— Госпожа Линь.

Линь Юйцзэ ответила ему поклоном.

— Ваше Величество уже распорядилось, — сказал глава Далисы, — эти люди целиком в вашем распоряжении.

Линь Юйцзэ задумалась. Эти люди теперь знают, что она умеет поглощать энергию. Если их отпустить, поползут слухи, что она — демон. В эпоху, когда люди трепещут перед божествами, это сулило большие неприятности.

— Заткните им рты и казните всех, — холодно приказала она.

— Слушаюсь, — ответил глава Далисы.

Мысль о демонах навела ее на одну интересную идею. Вернувшись во дворец, она позвала Сюй Дэчжуна.

— Система, обменяй книгу Свиток Подсолнуха.

[Свиток Подсолнуха — 5 баллов; остаток — 10 баллов.]

Она бросила книгу главному евнуху. Сюй Дэчжун в недоумении открыл обложку.

Желающий практиковать это искусство, должен сначала совершить самооскопление.

Сюй Дэчжун с непонятым выражением лица взглянул на Линь Юйцзэ и спрятал книгу за пазуху.

— Благодарю вас, госпожа Линь, за столь ценный дар.

— Внутри Силицзянь открой Внутреннюю школу, — сказала Линь Юйцзэ, — обучай евнухов

грамоте и боевым искусствам. Позже я сама доложу об этом Императрице, а пока приступай.

Спустя семь дней во всех чайных и винных лавках Бяньцзина обсуждали одно: в столице завелась нечисть. Каждую полночь в разных местах раздавались жуткие звуки: то пронзительный визг, похожий на лисий, то волчий вой, а иногда — нечто еще более пугающее, напоминающее крики мартовских котов.

Отряды Цзиньивэй, отправленные на поиски, возвращались ни с чем, что заставило многих знатных господ и их жен всерьез перепугаться.

В поместье Линь, во дворе Линь Юйцзэ, стояло с десятков клеток с лисами, волками и несколькими кошками.

Линь Юйцзэ отдала распоряжение нескольким переодетым в простолюдинов евнухам:

— Пожалуй, хватит. В столице есть сильные мастера, если нас раскроют, будет плохо.

Евнухи склонили головы:

— Слушаемся.

Линь Юйчи, отдыхавший дома в связи с женитьбой, видел, как его сестра каждый день таинственно входит и выходит с группой людей, и решил заглянуть к ней во двор. Клетки были накрыты черной тканью. Линь Юйчи с любопытством спросил:

— Сяо Юй, кто там у тебя?

Линь Юйцзэ не хотела впутывать брата в эти дела и уклончиво ответила:

— Купила несколько щенков, хочу преподнести их Императрице.

Линь Юйчи потянулся, чтобы приподнять ткань:

— Не думал, что ты умеешь так угождать женщинам.

Линь Юйцзэ поспешно схватила его за руку:

— Им всего десять дней от роду, они испугаются людей и умрут!

Линь Юйчи подозрительно посмотрел на сестру. Он никогда не слышал о такой породе собак:

— Правда?

Линь Юйцзэ с самым серьезным видом кивнула:

— Правда!

Не желая продолжать эту тему, Линь Юйчи сказал:

— Твоя невестка живет у нас уже несколько дней, а ты так и не пришла ее поприветствовать. Сегодня мы оба дома, пойдем, представлю тебя Пятой принцессе, чтобы она не подумала, будто золовка имеет что-то против нее.

Линь Юйцзэ:

— Я была так занята в эти дни, что совсем забыла. Хорошо, пойдем.

Когда она увидела Пятую принцессу Тоба Цзянчжи, Линь Юйцзэ невольно засмотрелась на ее лицо. Оно было на семьдесят-восемьдесят процентов похоже на лицо Императрицы, особенно брови и глаза. Видимо, у всех женщин рода Тоба были эти красивые «фениксовы» глаза.

— Кхм-кхм... — Линь Юйчи прочистил горло, и Линь Юйцзэ пришла в себя.

— Столько лет не видела Пятую принцессу, прошу прощения за мою бестактность, — улыбнулась она.

К счастью, принцесса не стала обижаться, решив, что сестра ее мужа — человек несложный, и не придала значения этикету.

— Если госпожа Линь не возражает, я буду звать вас Сяо Юй, как и ваш брат.

Принцесса была на два года моложе Линь Юйцзэ, но что поделать, если ее статус был выше?

Они обменялись любезностями, и когда разговор подошел к концу, принцесса сказала:

— Скоро, как только в резиденции зятя императора завершат ремонт, мы с твоим братом переедем туда. Не забывай заходить в гости. Твой брат всегда говорил, что у него очень интересная сестра.

Говоря это, принцесса взглянула на Линь Юйчи, но тот опустил голову и, казалось, витал в облаках, никак не реагируя. Линь Юйцзэ забеспокоилась. Они же молодожены, но ведут себя так, будто едва знакомы. Неужели Линь Юйчи рассматривает принцессу лишь как ступеньку для карьеры?

Принцессы Великой Ся — это не просто титул, они могли состоять на государственной службе. Хотя члены императорской семьи редко шли в чиновники, чаще управляя императорскими торговыми предприятиями.

Железо, соль, чай, шелк, фарфор — все это было монополией императорской семьи. С этой точки зрения Пятая принцесса была сказочно богата. Доходы казны, помимо налогов, зависели от прибыли этих предприятий, и именно поэтому Цзян Ли было так трудно открыто конфликтовать с кланом родственников.

— Конечно, — ответила Линь Юйцзэ. — Как только вы переедете, я непременно навещу вас.

Линь Юйчи по-прежнему молчал, явно не слушая.

— Брат? — позвала Линь Юйцзэ.

— А? Что такое? — очнулся он.

Видя, что он не в духе, она не стала расспрашивать. Во дворце ее ждало еще много дел.

— Желаю вам с невесткой поскорее обзавестись наследником. У меня дела, я откланиваюсь.

Линь Юйцзэ поднялась и поклонилась. Подняв голову, она заметила, что лицо брата напряжено, а во взгляде принцессы читалась не застенчивость, а какая-то... обида?

В голове Линь Юйцзэ мелькнула догадка. Линь Юйчи до двадцати лет оставался холостяком. Хотя он слыл гулякой, многие столичные красавицы заглядывались на него, но он всех отвергал. Неужели его походы в бордели были лишь ширмой?

Неужели... неужели у Линь Юйчи и вправду какая-то скрытая немощь?

<http://bllate.org/book/19929/1961100>